

**ЮРИЙ МИЛОСЛАВСКИЙ,
ИЛИ РУССКИЕ в 1612 ГОДУ.**

СОЧ. М. Н. ЗАГОСКИНА

**3 части. М. 1829 г. в т. Театральной, Н. Степанова,
in 12, 255, 166, 263 и VII стр., с тремя заглавными
гравированными
листочками, с виньетками.**

Извещая читателей наших о скором появлении исторического романа, сочиненного Ф. В. Булгариным, мы сказали, что «Димитрий Самозванец» будет первый, по времени появления своего в свет, *русский исторический роман*¹. Теперь честь сия принадлежит роману, сочиненному М. Н. Загоскиным: он предупредил роман Ф. В. Булгарина несколькими месяцами.

Любопытство читателей было давно подстрекаемо известиями журналов о романе г-на Загоскина, и толки и мнения ожидающих были разнообразны. Одни хотели видеть, как русские исторические события будут устанавливаться в романическую драму; другие, каков г-н Загоскин, известный своими драматическими сочинениями, будет на поприще совершенно для него новом; третьи желали посмотреть, как будет он соперничать с патриархом исторических романов, шотландским стариком, ибо ныне, сказав: «исторический роман», кто не вспомнит тотчас В. Скотта?

Ожидание первых происходило от незнания дела. Русская история, русская старина не только могут быть источником поэтическим созданий и романов исторических, но, может быть, их должно почтить одним из богатейших источников для поэта и романиста. Итак, остаются требования только тех, которые желали узнать: каково г—н Загоскин выполнит обязанность романиста?

Нам кажется, что автор «Юрия Милославского» поступил весьма хорошо, удалясь от подражания В. Скотту: «Юрий Милославский» роман совсем не в роде В. Скоттовых. Если бы надобно было искать образца, по которому он создан, то мы скорее могли бы начти его в романах Купера².

Избрать такое историческое событие, которое дало бы средства поэтически разыграть воображению; выставить толпу характеров и лиц; заставить их действовать и говорить, совершенно скрывшись за ними; не иметь ни одного героя, в котором бы автор высказывал самого себя; перенестись совершенно в тех людей, которых изображаешь, во время, которое описываешь; представить ряд событий, перепутанных одно с другим и переходом от одного к другому, мелкою живописью подробностей, изображением непостижимо верным века, нравов, обычаев, поверьев; заставить читателя забыть, думать, что он живет, действует вместе с действующими лицами романа — вот стороны, которые представляются в романах В. Скотта при самом поверхностном их рассмотрении. Разумеется, что мы говорим здесь об исторических только его романах.

Купер совсем другое, хотя в нем видно желание быть американским В. Скоттом. Купер всегда отбирает небольшое число характеров, развивает их, заставляя

действовать. Вокруг них бывают обставлены второстепенные лица; но сцена пуста, когда главные актеры удалились, оживлена, когда они бывают на ней. Купер, так же как В. Скотт, вдается в живопись местности; но это у него только дополнение, а не необходимая связь. Если Купер берет *историческое* событие, то это только предлог, а не сущность романа; если выставляет *историческое* лицо, то оно всегда бывает частное, дополнительное, призываемое, как *великанская тень Самуила*, для разрешения судьбы действующих лиц, но живущее жизнью, отдельную от жизни действователей романа, не связанную непосредственно с ними.

К сему роду романов, который назовем *Куперовым*,

53

принадлежит, по мнению нашему, роман М. Н. Загоскина, и, рассматриваемый в сем направлении, он выполняет требования читателей весьма удовлетворительно².

Это, собственно, *не русские 1612 года*, как сказано в заглавии, но история одного вымышленного автором лица. Сие лицо — *Юрий Милославский*, молодой, пылкий человек, с сильною душою, присягнувший польскому королевичу Владиславу и потому полагающий, что не имеет уже права сражаться с поляками, хотя в то же время видит, что они не спасители, но враги его отечества. Он послан от поляков в Нижний Новгород уговаривать граждан успокоиться и не восставать на поляков; но увлеченный любовью к отчизне, напротив, он ободряет граждан к восстанию. Поездка Милославского и любовь

его к дочери боярина Шалонского составляют основу целого романа. Подле главного лица является казак Кирша и слуга Алексей. Кирша то же, что *Последний Магикан*³ у Купера; Алексей комическое, доброе, простое лицо, тоже куперовское, составляющее противоположность Милославскому и Кирше. После сего можно угадать главные положения и ход романа. Несколько частных, не из целого развивающихся событий, но *случайностей*, и вдали великие события 1612 года, о которых автор *говорит* более, не представляя оных в живых картинах, не рисуя и героев, в них действовавших, но изредка, частно, иногда вводя их на сцену. Вот полный объем романа. Пожарский в нем совсем не является; Минина видим мы только на Нижегородской площади; Палицына встречаем как частного человека, а не как участника в действиях великих.

Обвинять ли автора за такой план и объем романа? Кажется, мы не имеем права, а в том размере, какой определил себе автор «Юрия Милославского», он, повторяем, удовлетворяет читателя. Интерес в целом поддержан; события любопытны; подробности резки и многие отделаны весьма естественно и искусно. Упомянем о двух различных местах: сцене, в которой старуха требует непомерную цену за горшочек молока и приводится в отчаяние ловкостью Кирши, и сцене у шишей⁴ московских, где является отец Еремей, начальник русских Гверильясов⁵ 1612 года; сия последняя сцена есть произведение мастерское. Таковы же: смерть боярина Шалонского; уловка Кирши, посредством коей он убегает из села боярина Шалонского. — Вообще, если можем упрекнуть автора, что иногда лица его романа говорят не своим, несвойственным языком; что иногда сам автор

слишком виден из-за них; что иногда он слишком любит нечаянности и впадает оттого в изысканность, то в то же время скажем, что он выкупает недостатки красотами. Так, освобождение Милославского из муромского жилища боярина Шалонского — занявшее слишком много места, неестественное, и — *не русское* — заключает в себе одну подробность красоты великой; это смерть Земского Ярыжки, черта истинно изящная и совершенно верная! Мы желали бы более связи в целом, более *исторического*, менее вводных событий, и проч., и проч., но за всем тем скажем, что «Юрий Милославский» — доброе предвещание для будущности русских романов и дает надежду, при большей опытности автора на поприще романиста, ожидать от него весьма многого.

Не можем не заметить, что «Юрий Милославский» напечатан весьма неисправно, хотя наружность его довольно опрятна. Приложенные при каждой части виньетки выгравированы г-м Скотниковым хорошо. Но артист, писавший их, вовсе не знает правильности рисунка.